Вестник МГЛУ, Выпуск 463, Перевод и дискурс, М.: 2002, с. 16-26.

Д.В. Псурцев

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: ОБ ОДНОМ КРИТЕРИИ АДЕКВАТНОСТИ

Проблема “перевод и интерпретация” в разнообразных ее аспектах в последнее время всё чаще оказывается в центре внимания современного переводоведения, неуклонно растет число работ, посвященных ей (см., например [1, 2]). Интерес к взаимосвязанному изучению перевода и интерпретации связан, вероятно, с тем, что текст перевода, являясь результатом процесса перевода, одновременно несет некий – хотя и опосредованный “уже чуждой” по отношению к собственно интерпретации формой вторичного текста – отпечаток интерпретационных процессов и поэтому может, с определенными оговорками, служить уникальным, “задокументированным” полем для исследования “неуловимой” интерпретации. Со своей стороны, изучение интерпретации и в особенности создание методик анализа текста, направленных на обеспечение ее объективности, могут дать нечто для переводоведения, если отыскать точки соприкосновения в критериях анализа текста. Не ставя перед собой задачи обзора имеющихся взглядов или исчерпывающего рассмотрения всех аспектов проблемы, выскажем лишь некоторые соображения об общем соотношении понятий и процессов перевода и интерпретации, а также о значении стилистического подхода, который, как нам представляется, способен играть интегрирующую роль при изучении явлений перевода и интерпретации; в заключение будет предложен дополнительный критерий адекватности перевода художественного текста.

Два противонаправленных взгляда на сущность соотношения перевода и интерпретации предстают в известных формулировках: “перевод как интерпретация” и “интерпретация как перевод”. Можно даже сказать, что эти формулировки дают нам две разных модели. Первая модель недооценивает фактор отличия языков и специфики перехода от одного языка к другому с фиксацией результатов перехода в виде текста перевода и, соответственно, приравнивает перевод к интерпретации вообще. Тогда как вторая модель переоценивает фактор отличия личных интеллектуальных кодов и тем самым приравнивает интерпретацию к переводу. Нетрудно заметить, что в рамках первой модели метафоризируется, детерминологизируется само понятие интерпретации, становясь синонимом слова “версия” или выражения “создание версии”, и подрывается специфика интерпретации вербальных знаков. В рамках же второй модели сходная участь постигает понятие “перевод”, которое становится синонимом более общих понятий “преобразование”, “перекодирование”. И если первая модель перемещает обсуждение проблемы в координаты общей теории интерпретации или даже в общесемиотические координаты, где межъязыковой перевод - лишь частный случай интерпретации вообще и принципиально не отличается от межсемиотического перевода, или трансмутации (термины Р.О.Якобсона [3.С.362], то вторая модель, психолингвистическая по своей сути, возводит межъязыковой перевод в ранг частного случая, чем приравнивает межъязыковой перевод не только к внутриязыковому переводу (переименованию), но и вообще к любому процессу восприятия и обработки вербализованной информации.

Очевидно, попытки уподобливающего отождествления перевода и интерпретации, в каком бы направлении они ни шли – перевод ли уподоблен интерпретации, интерпретация ли переводу, – выводят проблему за рамки собственно лингвистического, переводоведческого рассмотрения. Характерно, что эти две модели, несмотря на разнонаправленность, имеют общее в том, что пытаются решить вопрос соотношения перевода и интерпретации через включение одного в другое. Отсюда следует: чтобы, оставаясь на почве лингвистики и переводоведения, исследовать и установить подлинное соотношение перевода и интерпретации в координатах этих наук, нужно рассматривать и перевод (межъязыковой перевод) и интерпретацию (интерпретацию вербальных знаков, предстающих в форме текста) как относительно самодостаточные объекты изучения, одновременно не лишенные потенциальных точек связи или корреляции.

Отметим вначале некоторые, на наш взгляд, важные в контексте этого обсуждения моменты, связанные с интерпретацией.

В целом верным представляется утверждение о том, что "…интерпретация, в интересующем нас … смысле, не равноценном лишь процедуре понимания, – это обоснованное (в собственно лингвистическом, прагматическом и когнитивном аспектах) вербализованное понимание текста…" [4.С.11], и положение об интерпретации как аналитической деятельности, направленной на "всеобъемлющее раскрытие содержания" текста [Ibid.]; причем раскрыть содержание означает "не просто извлечь … содержательную информацию о внешнем мире, но и уяснить механизмы ее кодирования и обосновать правомерность и продуктивность используемых приемов и способов декодирования информации…" [Ibid.].

Однако думается, что, определяя суть интерпретации, нельзя обойтись и без понятия смысла как целостного динамического результирующего ментального построения, соответствующего охвату текста на уровне цельности и являющегося моделью, то есть уменьшенным подобием текста [5]. Такое ментальное построение должно включать в себя как элементы, совпадающие у большинства интерпретаторов (своего рода ядро), так и элементы, специфически присущие тому или иному интерпретатору / типу интерпретаторов (периферию)[1]. Эта важная характеристика смысла устанавливает, как нам кажется, необходимое равновесие между интенциональностью[2] автора, "авторитетностью авторского намерения", с одной стороны, и интенциональностью интерпретатора (часто недооцениваемой[3]), "авторитетностью интерпретатора", с другой. Исследование смысла невозможно без учета фактора инференции, внесения смысловых обертонов, творческого "конструирования" смысла в пределах, заданных текстом. Отвергать наличие понимаемого таким образом смысла, или определять смысл лишь как то, что "вложено автором в текст" (популярное выражение) означало бы лишать интерпретатора роли *субъекта* интерпретации и сводить его роль к функции изощренного декодирующего устройства, носителя языковой компетенции, приближаясь тем самым к лингвистической модели "смысл□□текст", в которой преобразующим устройством выступает сам язык [7][4]. Таким образом,

---

[1] Типология интерпретаторов, зависимость интерпретации от vantage point, от когнитивной стратегии – актуальная, но мало разработанная область лингвистики текста. То же касается типов переводчиков. Мы отмечаем важность и актуальность данного аспекта, но в данной статье его не разрабатываем, ограничиваясь более общей моделью.

[2] Основное значение этого по своему происхождению феноменологического термина – "конструирование объекта сознанием".

[3] См., например, [6.С.15].

[4]

под интерпретацией мы понимаем деятельность по линейной и надлинейной обработке текста, направленную на извлечение/построение смысла (в вышеописанном понимании) в соответствии с программой текста и, в определенной степени, с программой интерпретатора.

Порождение художественного текста и его интерпретация – процессы, имеющие разных субъектов, но единый объект. Эти процессы разнонаправлены (“к объекту” и “от объекта”, соответственно), но в объекте-тексте встречаются, что и создает онтологическую предпосылку объективности интерпретации. (Следует, впрочем, помнить, что если целью автора является создание текста, то целью читателя – построение его смысла.) Другим важным фактором принципиальной возможности объективной и адекватной интерпретации является линейность текста как материального построения. В этом линейном построении обретает реальное воплощение замысел автора; каков бы ни был первоначальный план, как бы объемно ни громоздились представления и смыслы в сознании автора во время создания текста, – единственной первичной реальностью для интерпретатора / читателя будет линейный в первоначальном прочтении текст. Однако нельзя игнорировать и то, что в сознании интерпретатора линейность восприятия сосуществует с надлинейностью. Именно конкуренция линейности и надлинейности восприятия создает то плодотворное напряжение при восприятии текста, которое служит необходимой предпосылкой смыслоформирования для интерпретатора.

В связи с этим заметим, что на нынешнем этапе несколько устаревшими и ограниченно-структуралистскими представляются, применительно к процессу интерпретации, сам термин “декодирование” и стоящая за ним метафора.)

Не имея здесь возможности, ввиду краткости изложения, освещать сложный вопрос соотношения различных признаков художественности текста, скажем лишь, что в аспекте смыслоформирования (как в порождении, так и в восприятии) специфика художественного текста, на наш взгляд, заключается в принципиальном отсутствии, у его создателя и его интерпретатора, установки на "простую очевидность", одномерность смысла. (Поэтому антиподом художественного текста будет текст, такой установкой обладающий.) Средством же реализации смысловой многомерности, смыслового объема в линейной ("плоской") материальной среде текста, несомненно являются стилистически маркированные элементы текста. Огромная роль стилистических и "риторических" стратегий в порождении и интерпретации текста [8.С.170-171] вряд ли подлежит сомнению. Именно с помощью этих стратегий автор создает "смысловые скважины" (термин Н.И.Жинкина), или "участки неопределенности", играющие столь важную роль в "стратегии текста" (термины рецептивной эстетики)[5]. Их роль можно сравнить с ролью своего рода замочных скважин, к которым подойдут ключи, или отмычки стилистических стратегий уже со стороны интерпретатора. В создании эффектов многомерности, продуктивной неопределенности особенно велика роль образно-ассоциативных компонентов (ОАК), которые, как показано нами в рамках изложения стилистической

[5] "Смысловые скважины" и "участки неопределенности" могут исследоваться и на уровне филологии, когда в обсуждение вовлекаются элементы филологически понимаемого художественного стиля (идейно-художественное содержание, акцентуация тех или иных моментов этого содержания, аспекты реализации художественных образов и др.); а также на уровне лингвистической семантики, когда обращалось бы внимание на распределение в тексте зон большей или меньшей семантической определенности. Однако наши рассуждения – в русле лингвистической стилистики, или по крайней мере стилистики, ориентированной на языковую механику художественного.

концепции смыслоформирования и методики анализа ОАК [5], способны образовывать надлинейную структуру на уровне восприятия текста как цельности и, как представляется, могут играть ключевую роль в создании смыслового объема. При построении подобной структуры ОАК сознание интерпретатора может испытывать одно из наибольших затруднений, но тем большей ценностью для адекватной интерпретации обладает эта структура надлинейного выдвижения (ср.: "…ценность информации определяется тем усилием, которое необходимо затратить на ее декодирование." [9.С.11]). Взаимодействуя с фактуальной составляющей (причем характер, или модус взаимодействия зависит от свойств как ОАК, так и фактуальной составляющей), структура ОАК задает меру политропоморфизма художественного текста, силу его устремления от метонимоморфизма в аспекте связности к метафороморфизму в аспекте цельности [5].

Теперь обратимся к переводу. Цель перевода - создание, на основе подвергнутого целенаправленному ("переводческому") анализу первичного текста, вторичного текста, заменяющего первичный в другой языковой и культурной среде [10.С.75]. Большинство исследователей отмечают двухфазный характер процесса перевода, связанный с наличием в нем первичной и вторичной коммуникативной ситуации. Если пренебречь возможными психологическими и процессуальными различиями между восприятием текста на родном языке и иностранном языке, то, вероятно, можно сказать, что переводчик в качестве первичного коммуниканта, воспринимающего и анализирующего текст, выступает в роли интерпретатора. В этом случае всё сказанное выше об интерпретации, ее объективности и одновременно интенциональности, о ядерной конструкции смысла, а

также о построении смысла с учетом априорной возможности многомерных, многоплановых эффектов на уровне цельности, на основе анализа ОАК и характера взаимодействия ОАК и фактуальной составляющей, вполне приложимо к ситуации интерпретации (восприятия) художественного текста переводчиком (т.е. к первичной коммуникативной ситуации). Обращаясь к вторичной коммуникативной ситуации, когда уже читатель перевода выступает в роли интерпретатора и для него данностью является текст готового перевода, можно сказать, аналогичным образом, что всё сказанное о параметрах интерпретации и возможностях смыслопостроения с опорой на ОАК, очевидно, приложимо и к вторичной коммуникативной ситуации.

Следует сразу заметить, что из приложимости описанных общих параметров интерпретации/смыслопостроения и к первичной и к вторичной коммуникативной ситуации отнюдь не вытекает тождество конкретных, реальных смысловых характеристик оригинального и переводного текста. Перевод как процесс связан со смыслом, построенным переводчиком-интерпретатором, однако перевод устремляется дальше, *за* этот смысл, “обратно” в текст – но это уже *иной*, вторичный, отраженный текст. Причем если при интерпретации (восприятии) переводчиком текста определенные погрешности интерпретации – излишний субъективизм, разрастание зон периферии смысла в ущерб его ядерным зонам – материально еще не зафиксировано, то в переводном тексте они могут обретать вполне материальное воплощение. Для интерпретатора-читателя текста перевода, впрочем, этот текст уже является единственной данностью (случаи полного или частичного двуязычия читателя здесь не

рассматриваются), и он, как правило, за исключением явных логических и семантических неувязок, не может и не берется судить о смысловых сдвигах, произошедших при переводе. Из только что сказанного вытекает общее ограничение той ценности, которой обладает текст перевода для исследования характера интерпретации.

Рискнем предложить некоторые соображения о смысловом сдвиге, отдавая себе отчет в дискуссионности формулировок. Та или иная степень смыслового сдвига, или *инферентности* смысла, неизбежная при любой интерпретации, очевидно, также неизбежно имеет место при переводе. Доводом в пользу такой точки зрения могут служить тексты автоперевода, то есть перевода автором своих собственных текстов, например, работы В.В.Набокова, а также сравнение с оригиналом так называемого обратного перевода и сопоставление переводов одного произведения, выполненных разыми переводчиками. В методическом плане проблема разграничения инференции и “закономерных” переводческих семантических преобразований пока не разрешена, но если все же исходить из того, что инференция обладает собственной спецификой (которая, вероятно, можно основывать на разграничении инференции и импликации), то, по-видимому, в подкатегориальном плане можно говорить о личностной инференции (исходящей от свойств переводчика и преимущественно субъективной) и языковой инференции (исходящей от свойств ПЯ и несколько более объективной) при переводе, хотя на практике между ними не всегда легко провести грань[6]. Важное значение, вероятно, должен также иметь ранг инференции, то есть уровень, на

[6] Поскольку личностная инференция выражается в использовании “объективных” языковых средств, а языковая опосредуется “субъективной” личностью переводчика.

котором в текст привносится при переводе инферентная информация, более неочевидная по сравнению с имплицитной (уровень предложения, СФЕ, уровень стилистически маркированного элемента, уровень комплекса конвергентных СП, уровень выдвинутой структуры стилистически маркированных элементов). И наконец, говоря об этой, как нам кажется, весьма перспективной для исследования категории, нельзя не остановиться на качественном характере инференции, ее свойствах, в частности, применительно к переводу, а также на ее отрицательных и положительных сторонах. Объективированный текст перевода может “грешить” против смысла, извлекаемого из оригинала самим переводчиком-интерпретатором, подобно тому, как объективированный текст оригинала может “грешить” против замысла своего творца; текст оригинала и текст перевода, как уже говорилось, в своей данности линейны, тогда как замысел и смысл объемны. В то же время, как можно себе представить, текст перевода, если это добросовестно выполненный перевод, – обладает меньшим потенциалом волюнтаристичности, произвольности, чем ментальное смысловое построение, формирующееся при интерпретации. Ведь такое построение, хотя оно и вербализовано, всё же не отягощено тем “грузом ответственности” за следование оригиналу, который налагает на переводной текст эксплицитная вторичная художественная и стилистическая форма, в идеале стремящаяся максимально приблизиться к форме оригинала (но при этом – также в идеале – не грешить против ПЯ). То есть важным свойством инференции, присущей переводу, в отличие от интерпретации, следует считать ее выраженность, объективированность, которые неизбежно возникают,

несмотря на преобладающую субъективную природу самого явления инференции. (Скомпрессированность, концентрированность смысла относительно длины текста оригинала имеет своей антитезой примерное принципиальное равенство размеров текста перевода и оригинала.) Однако характерно то, что буквализм при переводе не является прививкой против слишком большой или неоправданной инференции, так как точность следования букве оригинала еще не гарантирует точности передачи многоплановых (образных) смысловых эффектов. Более того, неоправданный буквализм, возникающий вследствие интерференции языков и ведущий к погрешностям текста перевода относительно законов ПЯ, может рассматриваться как своеобразная форма автоматичной негативной инференции. Точность же передачи многоплановых смысловых эффектов, как показывает практика, подчас достигается смелыми, отнюдь не буквалистскими переводческими решениями, предусматривающими “жертвы” эквивалентности на низких уровнях с целью обретения эквивалентности на высших; такие решения можно, в принципе, рассматривать как форму проявления неавтоматичной позитивной инференции.

Различные исследователи, по-разному трактуя ключевое для теории перевода понятие адекватности, соответственно, говорят о разных критериях адекватности. Если считать, что адекватность – такое соотношение исходного и конечного текстов, при котором последовательно учтена цель перевода, но соотношение, ориентированное на перевод как процесс, и что требование адекватности, в отличие от эквивалентности, носит не максимальный, а оптимальный характер [10.С.92-99], то в связи с предыдущим изложением хотелось бы предложить важный интегрирующий критерий

адекватности, возникающий в рамках вышеописанного стилистического подхода и “связывающий” процессы перевода и интерпретации. Это критерий передачи в переводе эффектов смысловой многоплановости на уровне цельного текста, эффектов, возникающих за счет уподобления представления о тексте на уровне линейной связности – иному представлению о тексте на уровне объемной цельности. Другими словами, это критерий максимально возможного (без нарушения стилистических норм ПЯ) сохранения свойств образно-ассоциативной составляющей смысла, критерий удачности воспроизведения, средствами ПЯ, структуры ОАК исходного художественного текста. Именно ОАК, их структура надлинейного выдвижения могут являться теми опорными, осязаемыми элементами, которые подлежат анализу при интерпретации и сопоставлении оригинала и перевода. При этом стоит обращать внимание как на “успешность”, степень очевидности выдвижения ОАК в тексте перевода, на характер взаимодействия структуры ОАК с фактуальной составляющей, так и на баланс образно-ассоциативных элементов внутри структуры ОАК. Вместе с тем, нужно сознавать, что именно на уровне передачи этой структуры особое значение могут приобретать стратегии компенсации, неавтоматичная позитивная инференция.

В итоге же можно предположить, что характер трактовки ОАК в переводе, видимо, имеет отношение как к ядерной части смыслового построения, так и к периферийной, причем чем более оптимальной (адекватной) относительно смыслового целого будет эта трактовка в переводе, тем большая степень корреляции или даже совпадения будет наблюдаться между ядерной

зоной смысла первичной и ядерной зоной смысла вторичной интепрертации.

Подобная (гипотеза) постановка вопроса представляется полезной и взаимообогащающей для лингвистики и переводоведения. Как явствует из практического опыта автора статьи, опора на ОАК позволяет принимать более сбалансированные и более осознанные решения при переводе художественных текстов, сложных в стилевом и смысловом отношении. В [11.С.141-165] нами был представлен опыт анализа художественного текста в жанре короткого рассказа по описанной методике и выделена структура ОАК. Впоследствии, при работе над переводом этого рассказа, и в особенности при редактировании, движении от первоначальных вариантов к окончательным, фактор установки на воспроизведение средствами русского языка этой структуры играл немаловажную роль. Впрочем, мы отдаем себе отчет в том, что высказанные положения необходимо проверить на более обширном материале.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Университетское переводоведение. Вып. 2. Материалы II Международной конференции по переводоведению “Федоровские чтения” 23-25 октября 2000 г. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. – 410 с.
2. III Международная научная конференция по переводоведению “Федоровские чтения” 26-28 октября 2001 г. Тезисы докладов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. – 57 с.

3. Р.О.Якобсон. О лингвистических аспектах перевода. // Избранные работы. М: Прогресс, 1985. – С. 361-368. – 456 с.
4. В.Л.Наер. Понимание и интерпретация (к основам интерпретации текста как аналитической деятельности). // Сборник научных трудов МГЛУ. Вып. 459. Проблемы современной стилистики. – М.: 2001. – С. 3-13.
5. Д.В.Псурцев. Смыслоформирующий аспект образно-ассоциативных компонентов художественного текста (на материале англоязычной художественной литературы). Дисс. … канд. филол. наук. – М.: 2001. – 187 с.
6. Н.И.Власенко. К вопросу о необходимости учета прагматических компонентов при переводе. // III Международная научная конференция по переводоведению “Федоровские чтения” 26-28 октября 2001 г. Тезисы докладов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. – С. 15.
7. И.А.Мельчук. Опыт теории лингвистических моделей “смысл□□текст”. – М.: “Языки русской культуры”, 1999. – 345 с.
8. Т.А. ван Дейк., В. Кинч. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: 1988. – С.153-211.
9. И.Р.Гальперин. Информативность единиц языка. – М.: Высшая школа, 1974. – 176 с.
10. А.Д.Швейцер. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
11. Д.В.Псурцев. Смыслоформирующий аспект образно-ассоциативных компонентов художественного текста (на материале англоязычной художественной

литературы). // Сборник научных трудов МГЛУ. Вып. 459. Проблемы современной стилистики. – М.: 2001. – С. 141-165.